

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-11-1.10>

Софронова Ирина Владимировна, Артемьев Юрий Михайлович, Данилов Андрей Анатольевич
СИНТЕЗ ВОСТОЧНОГО И ЧУВАШСКОГО В ПОЭМЕ В. КЕРВЕНЯ "ЛЮДИ"

Статья посвящена анализу сочетания традиций восточной и чувашской словесности в современной чувашской литературе. Предметом исследования стала поэма "Җынсем" ("Люди") В. Кервеня. Установлено, что в произведении сюжетная основа связана с изображением жизни героя Каяно, введение публицистического и философского начала позволяет передать размышления о судьбе малочисленных народов. Художественный замысел раскрывается через использование сюжетов преданий и легенд, описание обрядов, особенностей мировоззрения. Нами выявлено, что через рассказ о судьбе восточного народа автор передает проблемы чувашской действительности.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/11-1/10.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 11(89). Ч. 1. С. 47-50. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/11-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

**LITERARY PROCESS OF THE MIDDLE OF THE 1980S – THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY:
DEVELOPMENT OF THE CHUVASH POETRY**

Nikiforova Vera Vital'evna, Ph. D. in Philology
Chuvash State Institute of Humanities, Cheboksary
vera.nikiforova@yandex.ru

The Chuvash literature of the late XX century is an insufficiently studied phenomenon. The objective of the article is to analyse the general state of the Chuvash poetry from the middle of the 1980s till the beginning of the XXI century. For the first time, the author distinguishes and characterizes three lines of national poetry: traditional lyrical, intellectual and song poetry. Special attention is paid to the creativity of bright young poets, who came to literature in the mid-1980s. The review allows the author to draw a conclusion that in this period the literary paradigm is changing: the character of the Chuvash literature in general and poetry in particular is being updated.

Key words and phrases: Chuvash literature; traditional lyrical poetry; intellectual poetry; song poetry; visual poetry; metro-rhythmics; tradition.

УДК 82-1/29

Дата поступления рукописи: 20.08.2018

<https://doi.org/10.30853/filmnauki.2018-11-1.10>

Статья посвящена анализу сочетания традиций восточной и чувашской словесности в современной чувашской литературе. Предметом исследования стала поэма «Сынсем» («Люди») В. Кервеня. Установлено, что в произведении сюжетная основа связана с изображением жизни героя Каяно, введение публицистического и философского начала позволяет передать размышления о судьбе малочисленных народов. Художественный замысел раскрывается через использование сюжетов преданий и легенд, описание обрядов, особенностей мировоззрения. Нами выявлено, что через рассказ о судьбе восточного народа автор передает проблемы чувашской действительности.

Ключевые слова и фразы: синтез; публицистичность; повествование; образ медведя; лиро-эпика; В. Кервень; традиция; современная чувашская литература.

Софронова Ирина Владимировна, к. филол. н., доцент
Артемьев Юрий Михайлович, д. филол. н., профессор
Данилов Андрей Анатольевич, д.и.н., доцент
Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова
mixtar2@yandex.ru; yumartemyev@yandex.ru; danilov.andrey@mail.ru

СИНТЕЗ ВОСТОЧНОГО И ЧУВАШСКОГО В ПОЭМЕ В. КЕРВЕНЯ «ЛЮДИ»

Традиции восточной словесности проникают в чувашскую литературу через перевод и реминисценцию. Чувашские поэты в разные исторические периоды с разной интенсивностью обращаются к мотивам и жанровым традициям восточной классики. «Для них это способ выражения интереса к историческому прошлому народа, нахождение идентичного своей культуре, мировоззрению. Обращение к восточной духовной культуре, имеющей многотысячную историю, открывает для них новые стороны в поэтическом мире и значительно расширяет возможности художественного творчества. Поэты 70-90-х гг. XX в. Г. Айги, Г. Юмарт, В. Эктел, М. Сениэл, П. Эйзин, П. Яккусен, А. Аттил, В. Энтип и другие воспроизводят традиции японской, китайской, арабо-персидской литератур» [7, с. 12].

Интерес к традициям восточной литературы проявляется и в воспроизведении восточного сюжета, изображении природы и быта восточной страны в художественном произведении. Как утверждает марийский исследователь К. Васин, «традиции одной литературы распространяются в другой благодаря освоению художественного опыта других литератур представителями данной литературы, описанию писателями одной национальности жизни другой нации...» [Цит. по: 1, с. 87]. Восточные страны изображаются чувашскими авторами в повестях, рассказах, литературных сказках, путевых очерках и поэмах. Как правило, такие произведения появляются после посещения восточной страны, важных исторических событий в этом регионе, осознания идентичных черт в мировоззрении двух народов. Свидетельством тому служит творчество чувашского автора В. Кервеня. Он «проявил себя в чувашской поэзии 80-х гг. как поэт-лирик. Также известен как поэт-песенник и переводчик. Активно поднимает проблемы долга перед Родиной, любви и дружбы» [6, с. 365]. Восточная тематика характерна для его переводческой деятельности и произведений, изображающих восточные страны. Поэт излагает сюжет японской сказки «Исумбосси» на чувашском языке. В произведении о мальчике с пальчик рассказывается о чудесном рождении необычного героя, его богатырских поступках. В поэме «Сынсем» («Люди») поэт через рассказ о вымирании племени айну, проживающем на территории Японии, поднимает проблему судьбы малочисленных народов всего мира, в том числе и чувашей.

В. Кервень начал писать поэму в 1981 г. Идея ее создания возникла после прочтения заметки о тяжелой судьбе небольшого японского племени айну. В ней поэт увидел черты, характерные для современной чувашской действительности. «В этот период среди населения с новой интенсивностью распространяются идеи нигилизма, политика обрусения. Молодежь начинает забывать свои корни. Чуваши, покинувший родную деревню, в городе подвергается обрусению. Он обучает своих детей только русскому языку. Людей, выступающих от имени народа, в защиту его будущего, называют нигилистами и националистами. Их лепет и болтовня становятся неугодными в эпоху создания единой советской нации» [2, с. 155].

Главная идея поэмы «Люди» – тревога о судьбе малочисленных народов. Автор, рассказывая об истории малочисленного народа айну, предлагает и чувашам задуматься о будущем своей нации, предупреждает о возможных потерях. Для раскрытия художественного замысла произведения поэт использует сюжеты преданий и легенд чувашского и восточного народов, описывает обряды и обычаи, традиции восточной и чувашской словесности, особенности мировоззрения, рассказывает непростую историю восточного племени. «Фольклорные тексты, вставленные в повествование, народные мотивы, образы и тропы позволяют глубже проникнуть в мир героев, показать их любовь к родной природе, родной земле, выразить художественный идеал героя» [4, с. 140]. В повествовании проявляются понятия восточной философии: единство доброго и злого начал, гармония контрастов. В тексте через простые и понятные формы выражается глубокий смысл, а в описании большого присутствует забота о значимости маленьких деталей.

Композиция поэмы не подчиняется единой хронологии. Повествования о современности и прошедших событиях сменяют друг друга. История народа представлена через воспоминания героя, которые временами переходят в монолог повествователя. В лирических и публицистических частях поэмы есть размышления автора о названиях этносов, чистом и честном имени, взаимоотношении много- и малочисленных народов, власти и народа, природы и человека, отцов и детей, истории народа, своеобразии и значении обычаев, культурных достижениях. В ходе развития сюжета часто наблюдается смена эпического начала публицистикой или философскими размышлениями. «В произведении происходит смешение жанров, взаимопроникновение эпического и лирического. Прослеживается масштабность мышления, оценка явлений и факторов действительности глазами лирического героя, их философское осмысление» [Там же, с. 142].

Сюжетная линия поэмы начинается с известия о смерти матери Каяно. Человек, хранивший наследие прошлого, богатство национальной культуры, представляющий собой связь прошлого и настоящего, уходит из жизни. Сын и дочь Каяно стесняются своего происхождения, не приходят на похороны. Намечается разрыв взаимоотношений между поколениями, прошлым и будущим нации. Каяно беспокоит то, что его дети не уважают память о бабушке, они сторонятся своего народа. В минуты отчаяния он вспоминает свое прошлое, историю народа. Не находя способа изменить сложившиеся обстоятельства и наладить жизнь, он уходит из дома. В действиях и размышлениях Каяно нет противостояния злу. Согласно особенностям восточного мышления, он стремится к гармонии, статичности. Герой совершает древний ритуал: отправляется в путешествие по Аляске, где встречается с представителями других малочисленных народов. Отправление героя в дорогу, испытание им трудностей в пути, участие в откровенной беседе позволяют ему найти ответы на волнующие вопросы. Каяно искренне переживает трагедию своего народа, противится бедственному положению. Однако ничем не может помочь, не может отыскать выход из сложившейся ситуации. Герою предстояло выйти в дорогу, перейти через реку и найти убежище в пещере от разбушевавшейся стихии. Беседа о своих проблемах с другими людьми в этих условиях сродни древнему восточному обычаю, когда «люди могли подняться на гору и раскрыть свою душу, т.е. общаться с богами. Для японцев пребывание в горах воспринимается как ритуальное очищение» [3, с. 355]. Неспроста после возвращения из путешествия в жизни Каяно и его народа начинают наблюдаться изменения в хорошую сторону: новорожденную внучку в честь бабушки нарекают именем Тэппа; сын осознает свою ошибку, признается в содеянном; дочь пишет письмо с извинениями. Несмотря на то, что поэма заканчивается смертью главного героя, появляется уверенность, что у племени айну есть будущее.

В поэме через повествование о судьбе главного героя раскрывается история всего народа. О его порабощении другим народом рассказано посредством сюжетов мифологических, топонимических, исторических преданий. В главе «Шӑпа» («Судьба») приводится легенда о дочери правителя, которая, чтобы избежать позора, ушла из дома с собакой. От них впоследствии и произошел народ айну. Японцы позавидовали непокорному и свободолюбивому народу, задумали завоевать его, использовали при этом лесть и обман. Рассказ о проникновении и заселении японцев на острове дополнен чувашской легендой о купце, попросившем у селян кусок земли размером с бычью шкуру.

В поэме подробно описаны обряды и праздники народа айну. В главе «Медвежий праздник» рассказывает об обычае, посвященном священному медведю-тотему. Люди приручают медвежонка, во время праздника отпускают его на волю. Там он расскажет богам о добром отношении людей к себе. Но ручной медведь не хочет покидать человеческое общество. Тогда люди убивают его. Его душа, освободившись, расскажет богам о жизни в мире людей, задобрит их приход. Медвежонок приносится в жертву. Обряд подчеркивает единство человека и природы. Медведь в данном случае представляет мир природы. В подтверждение сказанного, приводится легенда о девушке, которая после пребывания в берлоге родила медвежонка и мальчика. Подобные легенды, свидетельствующие о родстве человека и природы, есть и у других народов. Чукотский писатель Ю. Рытхэу в романе «Сон в начале тумана» использует легенду о родстве людей с китаи, киргизский автор Ч. Айтматов в повести «Белый пароход» пишет о родстве людей с оленями. Кроме того, идейная особенность главы «Медвежий праздник» сходна с произведением мансийского автора Ю. Шесталова «Языческая

поэма». Повествователь через рассказ о медвежьем празднике мансийского народа, которого люди почитают как сына Верховного Нум-торума, выражает свое беспокойство об исчезновении и забвении старых обычаев, родного языка, разрушении мест поклонений.

Медвежий праздник сопровождает Каяно на протяжении всей жизни: при его рождении отец встречает грустную медведицу около колодца; во время ночлега на Аляске случайно забредший ручной медвежонок был убит ударом камня, принесенного Каяно. Получается, что в тяжелый период жизни Каяно пришел в горы, принес в жертву медвежонок. После чего жизнь приходит в норму, открываются пути спасения.

В поэме «Люди» В. Кервеня не только описываются судьба и традиции восточного народа, также само повествование строится согласно традициям восточной философии. Это изображение единства доброго и злого начал, гармонии контрастов. Подобные особенности характерны для глав, в которых основное место занимают размышление и рассуждение: «Имя», «Черное солнце», «Теплый холод». В главе «Имя» повествователь размышляет о значении названий этносов, чистом имени. Он разжигает костер на опушке леса. Лес, родник в данном случае символизируют многочисленные народы. Костер же, как острый язык или скверное слово, способен уничтожить и лес, осушить водоемы. Человек, разжигающий костер, является ответственным за последствия своих действий.

Жизнь человека проходит между добром и злом, белым и черным, размышляет повествователь:

Тёнче вӓл – тӓрӓлми пӓтрав:

Хура та шурӓ – тытӓм пӓтӓм.

Этемлӓх ӓсӓнче те, ав,

Ӓӓтмах – Ӓап-Ӓутӓ, тамӓк – тӓттӓм.

Ӓумлах – виӒесӓр хирӓӒӓ,

Вӓсемсӓр – каӒӓ-ирӓ Ӓук [5, с. 16].

Мир подобен бесконечной мути:

Белое и черное – основа всего.

И в рассуждениях человека

Рай – это светлое, ад – это темное.

Рядом бесконечные споры,

Без них не проходит ни один день

(здесь и далее перевод наш. – И. С.).

Единство добра и зла является основой мировоззрения и философии чувашского и восточного народов. В поэме эти понятия не противостоят друг другу, они гармонично сменяются, составляют две грани человеческого существования.

В. Кервень использует образ тени. Он видит отличие теней душ доброго и злого человека:

Ял ваттисем каланӓ тӓрӓх,

Пулмасть ыр Ӓыннӓн Ӓун мӓлки,

Ӓутта пӓлмест, таса вӓл, тӓрӓ.

Чиперленет кашни шӓпа

Ун витӓр тухнӓ ӓшӓпа.

КуӒа пачах та курӓнман

Ӓын Ӓунӓн ӓмӓлки хӓрушӓ.

Ун сулхӓнӓ – шурӓхтаран

Чӓрмав Ӓылай-Ӓылай ӓрушӓн [Там же, с. 17].

Как говорили старые люди,

У добрых людей нет тени души,

Она не преломляет свет:

Судьба каждого становится счастливее от его присутствия.

Невидимая глазу,

Душа плохого человека ужасна.

Его тень представляет собой

Преграду для многих поколений.

Также существует тень самого повествователя, сидящего около костра. В начале рассказа она имеет форму вопросительного знака:

Хӓвна «хуӒа» текен тӓванӓм,

Кам эӓ Ӓакӓ Ӓӓр Ӓинче [Там же, с. 8]? /

Человек, который называет себя «хозяином»,

Кто ты на этой Земле? – спрашивает повествователь. Этот вопрос в качестве рефрена часто возникает на протяжении всего произведения. Он заставляет задуматься о человечности, гуманизме. Слово «хозяин», взятое в кавычки, является ответом на заданный вопрос. В завершении главы вопросительный знак становится восклицательным: «Мир, вернись к человеку!» [Там же, с. 16]. Повествователь призывает людей бережно относиться к человеку, природе, ко всему окружающему, так как в восточном сознании естественна гармония природы и человека, любовь ко всему живому и «неживому». В конце поэмы этот призыв возникает еще раз. В следующей главе «Ветер человечности» повествователь выражает мнение, что проблемы гуманизма, судьбы малочисленных народов разрешимы только в демократическом обществе. Он отмечает, что для любого периода развития человеческого общества характерны эти проблемы. В данной главе автор снова возвращается к проблемам чистого имени, значений этнонимов, взаимоотношений народов. Восклицание «Мир, вернись к человеку!» утверждает право каждого народа на достойное место под солнцем. «В произведении таких повторов, образующих кольцевое повествование, немало. Эта особенность исходит из особенностей чувашского фольклора» [8, с. 70].

Своеобразие восточного мировоззрения заключается в единстве контрастов. Несмотря на то, что они обозначают противоположные явления, они плавно перетекают друг в друга, слиты воедино. В произведении повествование, размышление и рассуждение, изображение судьбы главного героя строятся на сочетании контрастов. Это особенно характерно для глав «Черное солнце» и «Холодное тепло». Люди, проживающие в стране восходящего солнца, используют эпитет *черный* для обозначения светила по принципу оксюморона. Солнце не только освещает и согревает землю, по народным преданиям оно может быть еще гордым,

что является качеством характера злого начала. В главе «Холодное тепло» повествователь рассуждает о японской архитектуре, взаимоотношении японцев с Китаем и Советским Союзом, попытке татаро-монгол завоевать территорию Японии, военном кодексе самураев, уровне достижений НТР, богатстве обычаев и обрядов, судьбе малочисленных народов Африки и Америки, чувашской иве, космонавте А. Николаеве и т.д. Рассказывая о достижениях Японии и всего мира в области электронных технологий, повествователь постоянно возвращается к проблеме малочисленных народов. Показывает, что и среди них могут появиться люди, которые способны внести значительный вклад в мировое развитие. В данной главе основное место занимает публицистика, которая сменяется философскими рассуждениями, затрагиваются и вопросы политики.

Немало контрастов, плавно переходящих друг в друга, и в изображении судьбы главного героя Каяно. В детстве ему пришлось немало выстрадать из-за своей национальной принадлежности. Те же японцы, издававшиеся над ним в юности, помогают ему «выбиться в люди». Став камикадзе, он готов сложить голову за японского императора, но встречает гейшу и решает помочь ей. Приводит молодую жену к матери, о существовании которой давно позабыл, ищет защиты у нее. Умирает от оружия врага, только что обретя смысл дальнейшего существования. Слова:

*Вилнин кушне – чёрри хунать,
Чёррин кушне – вилни ұсать [5, с. 56]. /
Умершему глаза закрывает живой,*

Живому глаза открывает мертвый, – также построены на контрасте. Они мотивируют смысл поступков Каяно. Дети, до сих пор чуждавшиеся родного языка, начинают его уважать и любить. После смерти главного героя появляется уверенность, что традиции народа живы, племя айну будет жить.

В. Кервень в поэме «Люди» раскрывает художественную идею произведения через рассказ о судьбе малочисленного племени айну, проживающего на территории Японии, традиции восточной культуры и литературы. Предания и легенды, описание обычаев и обрядов, гармонично вплетенные в художественный текст, свидетельствуют о схожих чертах в мировоззрении чувашского и восточного народов, способствуют пониманию одного через другое. Повествование о судьбе восточного народа позволяет автору передать чувашскую действительность, выразить актуальные проблемы современности.

Список источников

1. Александров А. М. Ким Васин: очерк творчества. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1975. 108 с.
2. Артемьев Ю. М. Некоторые наблюдения трансформации литературно-художественного сознания в потоке исторического времени // Артемьев Ю. М. Страсть к полемике: статьи, рецензии. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2003. С. 155-179.
3. Васильев Л. С. История религий Востока. М.: Высш. шк., 1983. 368 с.
4. Игнатьева Е. А. Чувашская эпическая поэзия: проблемы формирования и развития жанров. Чебоксары: Изд-во чуваш. ун-та, 2005. 202 с.
5. Кервень В. Г. *Сынсем*: Савалла роман-эссе. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 1991. 110 с.
6. Никифорова В. В. Поэзия // История чувашской литературы XX века. Часть 2 (1956-2000 годы): коллективная монография. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2017. С. 363-389.
7. Софронова И. В. Мотивы и жанровые традиции восточной классики в литературе народов Поволжья: монография. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2014. 250 с.
8. Чермаков И. Г. Проблема гуманизма в поэме В. Кервеня «Люди» // Ашмаринские чтения: материалы Всерос. науч. конф. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2008. С. 64-71.

SYNTHESIS OF ORIENTAL AND CHUVASH IN THE POEM “PEOPLE” BY V. KERVEN

Sofronova Irina Vladimirovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Artem'ev Yurii Mikhailovich, Doctor in Philology, Professor
Danilov Andrei Anatol'evich, Doctor in History, Associate Professor
I. N. Ulianov Chuvash State University, Cheboksary
muxtar2@yandex.ru; yumartemyev@yandex.ru; danilov.andrey@mail.ru

The article is devoted to the analysis of the combination of the Oriental and Chuvash lore traditions in the modern Chuvash literature. The subject of the research is the poem “*Сынсем*” (“People”) by V. Kerven. It is ascertained that in the work, the story basis is connected with the depiction of the hero Kayano's life; the introduction of the publicistic and philosophical principle allows conveying reflections on the small-numbered indigenous peoples' fate. The literary intention is identified through the use of legends and lore plots, the descriptions of rituals, and the peculiarities of the worldview. The authors reveal that through the story of the Oriental people's fate the writer shows the problems of the Chuvash reality.

Key words and phrases: synthesis; publicistic nature; narration; bear image; lyric epic; V. Kerven; tradition; modern Chuvash literature.